

ГЛАВА 1

Когда человек счастлив, он не знает об этом...

— Не поняла, — произнес звонкий девичий голос, — что ты сказал?

— Ты счастлива? — вместо ответа спросил юноша хриплым баритоном.

— Да нет, — откликнулась девушка.

— Почему? — продолжил ее собеседник.

— А чему радоваться? Не день рождения, не Новый год, подарков я не получала.

— Для тебя важно, когда что-то дарят? — уточнил юноша.

— Главное, когда событие какое-нибудь случается, — принялась объяснять его собеседница, — например, свадьба, ребенок родился, переезд в новую квартиру, или я в колледж поступила в Америке, получила там стипендию на обучение.

— Значит, в год ты будешь радоваться дважды, — хмыкнув, подытожил парень, — в днюху и тридцать первого декабря. Ну ладно, еще разок — когда студенткой станешь. А в остальное время? Вот сегодня, допустим, двадцать третьего августа.

— Нормальный день.

— То есть ничего приятного?

— Я этого не сказала, — рассердилась девушка. — Нормально, это когда ничего не происходит, ни хо-

рошего, ни плохого. Юра, ты философствуешь на пустом месте.

— Вот об том я и говорил! — обрадовался ее собеседник. — Лена, ты сегодня весь день была счастлива, но не знала об этом.

Мне стало интересно, кто беседует на скамейке у стены дома, я встала с кресла, перегнулась через перила балкона, на котором дышала морским воздухом, и взглянула вниз. На лавочке сидели двое. Лиц их я не видела, только макушки. На девочке было то ли серое, то ли голубое платье, на юноше джинсы и футболка. Около паренька лежала небольшая сумка. На столике, придвинутом к скамейке, в свете фонаря ярко блестел красный прямоугольный пакет с черной надписью «ОПС!!!», явно наполненный то ли печеньем, то ли конфетами. Я отошла от перил и села в шезлонг.

— Заумно ты выражаешься... — протянула девочка.

Юра стал объяснять:

— Ну вот смотри, сейчас мы с тобой сидим на скамейке, не спим, как все, после отбоя. Кстати, я принес твои любимые чипсы... — послышался шорох пакета. Затем снова зазвучал баритон: — Луна светит, тепло, у тебя сарафан красивый... Разве это не счастье?

— Конечно, нет! — фыркнула Лена. — Платье не модное, старое, новое мне никто покупать не собирается, скамейка жесткая...

— Пройдет время, — продолжал Юра, — случится какая-нибудь беда, например, умрет кто-то из твоих близких, и ты подумаешь: «Был в моей жизни вечер, сидела я на скамейке после отбоя, чипсы ела, вот тогда я была счастлива, но не понимала этого».

— Идиот! — выкрикнул девичий голос.

Раздался шорох гравия.

— Лен, ты чего? — удивился Юра.

— Не хочу с дураком разговаривать, — донеслось издалека. — Сам свои мерзотные чипсы жри! Ваше не подходи ко мне ближе чем на километр. Ты как Растиньяк, такие плохо заканчивают!

Стало тихо. Спустя минуту я почувствовала запах дыма.

— Юра, ты куришь? — тут же воскликнул внизу женский голос.

— Здравсти, Светлана Иосифовна, — откликнулся парень.

— Мы уже много раз нынче виделись.

— Полночь прошла, наступил новый день, сегодня мы еще не встречались.

Светлана Иосифовна засмеялась.

— Хитрец! На территории Дома здоровья нельзя курить.

— Я же не в интернате, а возле корпуса гостиницы.

— Сигарета убивает человека.

— А капля никотина отправляет на кладбище лошадь, — хихикнул юноша.

— Короче, хватит тут сидеть в одиночестве, простудишься, сыро стало, а ты, Завьялов, в одной футболке. Ступай в свою комнату! — велела дама.

— На мне еще джинсы и кроссовки, — продолжал веселиться Юра. Затем решил позанудничать: — Кстати, если людей двое, то это не значит, что они насморк не подцепят.

— Что-то я тебя не поняла, — явно растерялась собеседница.

— Вы сказали: «Хватит тут сидеть в одиночестве, простудишься, сыро стало». Из логики фразы следует: будь на скамейке несколько человек, я был бы гарантирован от болезни, — объяснил юноша. — Вообще-то мы тут находились вдвоем с Леной, но она почему-то разлилась и убежала, даже свои любимые чипсы не открыла. Не понимаю я женщин! Ленка меня сама погулять пригласила, сказала: «Поговорить надо об очень важном деле». И что? Сначала завела разговор о книгах, все спрашивала: «Эту читал? Такую в руки брал? Вспомни повести французских авторов...» Меня прям затошнило, не люблю я романы. Но ничего обидного я Фокиной не говорил, наоборот, соглашался с ней, врал: «Да, да, знаю эти книги, очень интересные». И что? Лена рассвирепела. Спрашивается, зачем она меня звала?

Светлана Иосифовна засмеялась.

— Юра, ты, наверное, ей что-то очень философское завернул. Ты нравишься Фокиной. Она сама рискнула тебя на свидание пригласить и, скорее всего, говорила о книгах, где про любовь написано. Думала, ты поймешь, что она тебе на свои чувства намекает. А ты небось, как обычно, стал рассуждать о смысле жизни.

— Ничего подобного я не изрекал, — вздохнул Юра и пересказал свою беседу с Леной.

— Ты допустил бестактность, — объяснила Светлана Иосифовна, когда паренек замолчал, — не стоило говорить Фокиной: «Случится какая-нибудь беда, умрет кто-то из твоих близких».

— Человек понимает, что был счастлив, только в момент, когда с ним происходит несчастье, — об-

радовался поводу поспорить Юрий. — Ленка сидела надутая, вот я ей и объяснил: пока настоящее горе не подкатило, ты в полном порядке, но не понимаешь этого. Осознание того, как был счастлив, приходит в момент беды. К примеру, человек стоит у гроба и думает: «Вот, оказывается, как горе выглядит! Почему я, дурак, раньше не радовался, когда этого не знал?»

Светлана Иосифовна протяжно вздохнула.

— У тебя родители живы?

— Ага.

— А бабушки, дедушки?

— Никогда их не видел. Отец из дома в пятнадцать лет сбежал, потому что ему запрещали в ресторане петь, он с предками не общается. И моя мать тоже.

— Значит, тебе не доводилось у могилы стоять?

— Ну, нет...

— Зачем тогда рассуждаешь на эту тему? Знаешь, когда заколачивают гроб, люди не философствуют, они просто плачут, — сказала воспитательница. — Ты пока не столкнулся лицом к лицу со смертью, а у Фокиной, увы, есть такой опыт. Ее мать умерла, отец вскоре снова женился. У мачехи была своя дочь, Лене места в новой семье не нашлось, девочку отправили к нам. Зря ты ей это сказал.

— Но я же не знал! — начал оправдываться Юра.

— Незнание закона не освобождает от ответственности. Ты в одиннадцатый класс пойдешь, пора научиться думать, перед тем как что-то сказать, — сурово заявила Светлана Иосифовна. — Безусловно, ты мальчик с нестандартным мышлением, но мне по-

рой кажется, что ты чересчур гордишься своим умом и презираешь тех, кто смотрит сериалы и читает, как Лена, книги про любовь или детективы. Это гордыня, Юра, а она смертный грех. Можно мне угоститься чипсами? Очень их люблю.

— Конечно, угощайтесь, — разрешил Юра. И вдруг ляпнул: — Но чревоугодие тоже грех.

Светлана Иосифовна рассмеялась.

Я услышала хруст пакета, потом педагог спросила:

— А почему ты так поздно учиться пошел? Тебе уже восемнадцать, а ты еще школу не окончил.

— Отец по гастролям мотался, — объяснил Завьялов, — забыл, что ребенка в первый класс записывать надо. Гувернанткой у меня была англичанка, которая вообще ничего по поводу образования в России не знала. Я бы, наверное, попал за парту в возрасте, когда паспорт получать надо, но, на мое счастье, очередная любовница папаши оказалась училкой. Видно, я ее здорово доставал: хочется тетке с рок-звездой романтический ужин устроить, а тут, ё-моё, мальчишка по дому шастает. Вот она однажды и спросила у папахена: «А почему твой сын гимназию не посещает?» Кумир миллионов удивился: «Уже пора? Юрка, тебе сколько лет?»

Завьялов рассмеялся.

— А мама-то почему не беспокоилась? — поразила Светлана Иосифовна.

— Так она от отца удрала, когда мне еще года не исполнилось, — хмыкнул Юра, — ведь с рок-звездой жить — вообще офигеешь. Сейчас мамахен вроде где-то в Америке. Или в Англии, точно не знаю.

Стало тихо, потом учительница слишком весело воскликнула:

— Твоя ситуация, конечно, непростая. Но, подумай, кое-кто из детей остается сиротой, их определяют в обычный интернат. Ребята живут в комнатах на десять человек, не имеют хорошей одежды, не получают достойного образования, у них нет ясных жизненных перспектив. А вы в Доме здоровья в гостях у сказки.

— В когтях у сказки, — фыркнул Юра. — Светлана Иосифовна, хоть вы эту дурацкую фразу не повторяйте.

— Что не так? — удивилась педагог.

— Анна Семеновна, наша директриса, постоянно твердит: «В гостях у сказки», — протянул парень, — если кто из воспитанников жалуется, ноет, у нее один ответ: «В Доме здоровья вы просто в гостях у сказки. Совсем не каждому так везет. Не надо злиться на родителей, они обеспечивают вам настоящий рай». А мне постоянно хочется ей возразить: «Мы в когтях у сказки, нам из этой сказки некуда деться, не убежать из нее, не уехать, не избавиться».

Снова повисла тишина. Затем раздался голос воспитательницы:

— Иди спать, уже поздно. Мы сидим у коттеджа, где живут люди, вероятно, мешаем им спать.

— Никто же не злится, — возразил Юра, — не орет из окна.

— Но это не значит, что мы не потревожили жильцов, — заметила Светлана Иосифовна, — просто здесь интеллигентные люди поселились. Они заплатили большие деньги за отдых и наверняка хотят покоя. Странно, что вы с Леной устроились тут. И, если честно, меня удивило, что ты общаешься с Фокиной.

У нее совсем другие интересы, нежели у тебя. Вы, как мне кажется, не подходите друг другу.

— Да она меня сама пригласила, я уже говорил, — пояснил Завьялов. — Ленка мне совершенно не нравится, я на свидание пошел, потому что она тумана напустила: «Очень поговорить надо о крайне важной вещи». Я подумал, вдруг ей помощь моя понадобится? Что же касается интересов... Не совпадают, да и фиг с ними. Главное в паре — общность грехов. Я ворую в магазине, и она ворует в магазине — это свяжет крепче, чем совместное собрание марок.

— Юра, ты занимаешься кражами? — ахнула педагог. — Ты же из богатой семьи!

— Вы такая смешная... — протянул паренек. — Считаете, что обеспеченный человек не пойдет тырить с прилавков, потому что у него карман баблом набит? А девчонка с платиновой кредиткой никогда не станет проституткой? Светлана Иосифовна, богатство не панацея от дурного поведения, очень часто даже наоборот. У нас в интернате живет один кент, который спокойно весь приют скупить может, а он на местном базаре шмотки прет. А потом их выбрасывает.

— Господи, зачем он это делает? — поразились Светлана.

— А зачем ему дерьмовые вещи? — усмехнулся Юрий.

— По какой причине твой друг ворует, если у него есть деньги на покупки? — продолжала недоумевать его собеседница.

— Светлана Иосифовна, вы, как все люди, которым тугриков еле-еле хватает, полагаете, что, став бо-

гатов, решите любые проблемы с помощью кошелька, — произнес юноша. — Но это не так. Миллионное состояние не делает человека нравственным. Если он не вор, то, даже умирая с голоду, ничего не сопрет, а если ворюга, то и с полным кошельком тырить будет. Кстати, тот идиот вовсе мне не друг. А вещи он крадет ради драйва, адреналина ему не хватает.

— Немедленно назови его имя! — потребовала воспитательница.

— Может, я и зануда, может, и правда Фокину обидел, но уж точно не стукач, как некоторые, — раздалось в ответ. — И, кстати, насчет того, что я из богатой семьи. Мне отец бабло лопатой не отсыпает, я совсем небольшую сумму от него получаю раз в три месяца. Спокойной ночи.

— Чипсы возьми, — напомнила Светлана Иосифовна.

— Я их не люблю, — пробормотал Юрий, — картофель в любом виде ненавижу.

— И мне так казалось, — сказала педагог, — заведующая столовой постоянно жалуется, что ты пюре не ешь.

— Верно, — согласился паренек. — Этот овощ напоминает мне по вкусу жидкие витамины, которыми меня нянька в детстве поила.

— Зачем тогда чипсы картофельные купил? — удивилась его собеседница.

— Для Ленки принес, — пояснил Юра, — она от них тащится. Но Фокина обиделась и убежала. Ешьте, Светлана Иосифовна, раз вам нравится. Вы такие часто в баре у Романа покупаете, Ленка их там же всегда берет.

— Ох уж эти дети, — рассмеялась педагог, — не скроешь от них свои слабости. Грешна, люблю чипсы, готова жевать их целый день. И те, которыми торгует Роман, настоящие, а не спрессованная неизвестно из чего гадость.

— Вы с Фокиной в этом совпали, — протянул Юра, — Ленка тоже так говорит и чипсы постоянно лопает, обожает их. Угощайтесь, Светлана Иосифовна, на здоровье.

— Спасибо, — ответила та, — с удовольствием. Ты все же иди в корпус, давно пора спать.

— Давайте я вас до маршрутки провожу? — предложил Юрий. — А то поздно.

— Какой ты галантный, — засмеялась педагог. — Нет, не надо, да и последний микроавтобус давно ушел.

— Как же вы домой доберетесь? — удивился Завьялов.

— На велосипеде, — пояснила Светлана Иосифовна, — он у административного корпуса стоит. Работникам интерната не разрешают по территории гостиницы ездить, либо кати в объезд лишние два километра, либо оставь «коня» и шагай пешком. Я второе предпочитаю. Наша хозяйка Марина Ивановна добрый человек, но она терпеть не может, когда ее указания не выполняют. Ну все, иди, Юра. А я посижу тут в тишине, свежим воздухом подышу, чипсы поем. Мне спешить некуда, дома-то нет никого. Отдохну — и в путь.

— Спокойной ночи, Светлана Иосифовна, — попрощался парень.

— И тебе хороших снов, дружочек, — откликнулась педагог.

Раздался звук шагов по гравию, потом шуршание пакета.

Я ушла с балкона, закрыла дверь, легла на широкую кровать под парчовым балдахином, схватила с тумбочки коробку швейцарских шоколадных конфет и взяла одну. Где я нахожусь? Что здесь делаю? Сейчас объясню.

ГЛАВА 2

Неделю назад мне позвонила Эвелина Самойлова и вкрадчиво спросила:

— Вилка, ты уже летала отдыхать?

— Пока нет, — ответила я. — Собиралась на море в сентябре, тогда там народу меньше и нет семей с чадами. Я нормально отношусь к детям, но некоторые из них отвратительно ведут себя — кричат, безобразничают, капризничают, могут даже запустить руку в твою тарелку. А их мамы только улыбаются и сюсюкают: «Ой, она такая маленькая! Правда, моя доченька очаровательна, когда плюется в вас хлебом? Хорошенькая такая! Ути-пути, кисонька!»

Эвелина рассмеялась.

— Смотри не скажи то же самое журналистам, ведь детьми положено восторгаться.

— Только в том случае, когда они хорошо воспитаны, — возразила я.

— Напиши для моего журнала книгу, — неожиданно попросила Самойлова.